
АЛЕКСАНДР
МОКРОУСОВ
ОТЕЛЬ
«ЛЕВИНГСТОН»
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ТУДА,
ГДЕ У КАЖДОГО ЕСТЬ СВОЯ ТАЙНА
18+

Преступление в большом городе. Современный детектив

Александр Мокроусов

Отель «Левингстон»

«Эксмо»
2026

Мокроусов А.

Отель «Левингстон» / А. Мокроусов — «Эксмо»,
2026 — (Преступление в большом городе. Современный детектив)

ISBN 978-5-04-254000-4

Жену мясного магната Семёна Крезуба застрелили в спальне собственного дома. Камеры показывают: в момент убийства в особняке находился только её муж. Однако орудие преступления исчезло, следов пороха на одежде нет, гильзы тоже, а Крезуб утверждает, что провёл роковые три минуты в туалете. Блестящий адвокат Георгий Агасиев добивается для клиента оправдательного приговора, однако в тот же вечер узнает информацию, на корню обрубающую всю его линию защиты. В тайну этого дела оказывается посвящен метрдотель престижного отеля «Левингстон» Борис. Он должен понять, как распорядиться опасным знанием и при этом не увязнуть в других грязных секретах гостей.

ISBN 978-5-04-254000-4

© Мокроусов А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Вступление от Бо́риса (ударение на «о») 6
Глава 1. Среда, 07:00–09:00 7
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Александр Мокроусов
Отель «Левингстон»

Molly X. Chang
To gaze upon wicked gods (Book 1)

© Е. Згурская, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Все, что вы прочтете, является исключительно плодом фантазии автора. Любые совпадения с реальными именами, биографическими фактами или названиями – не более чем случайность.

Вступление от Бо́риса (ударение на «о»)

Спросите у кого угодно, хоть на миллиметр вхожего в отельный бизнес, кто такой Борис, или Рыжий из «Левингстона», и вам наверняка наговорят целую кучу слов. Среди них будут «хитрый», «умный» и «жадный». Кто-то назовет меня «пижоном», вспомнив, что меня бесит, когда в моем имени ставят ударение на втором слоге. Так скажут мои друзья. Ну а что скажут все остальные – кого это интересует?

Вот уже два года, как я фактически управляю лучшим отелем нашего города.

Счастлив ли я? Скорее всего, да, ведь не могу же я признаться, что все это только из-за денег. Хотя…

Иногда, в конце рабочей смены, я прихожу к выводу, что профессия уборщика общественных туалетов имеет массу преимуществ, и признаться, я испытываю большой соблазн перейти в их профсоюз.

Такое «иногда» возникает нечасто. Эти мысли посещают меня по вечерам, от силы семь раз в неделю. Зато утром и днем я искренне счастлив работать метрдотелем в «Левингстоне». И нет, я не негр, как может подумать особо эрудированный читатель, знакомый с трудами мистера Ливингстона. Хотя по вечерам я в этом совершенно не уверен.

Деловая командировка, отпуск, ремонт, ссора с женой или свидание не с женой, свадьба или корпоратив. Причин остановиться в отеле на одну-две ночи, а может на пару недель или даже месяцев, может быть множество. И какова бы ни была ваша причина, вы хотите здесь чувствовать себя как дома и надеетесь получить тут то, чего дома нет.

Оказавшись в нашем зеркальном лифте с дамой, вы смотрите на нее чуть смелее, чем вчера смотрели на соседку. Вместо вечерней чашки чая вы спускаетесь к нам в лобби-бар за порцией виски. Если дома перед выходом на работу вы ограничиваетесь единственной чашкой кофе, у нас вы потратите сорок минут на английский завтрак, завершая его парой дениш-кейков и полулитровым кофейником.

В отеле вы чувствуете себя чуть более раскованно, чуть более требовательно и намного более открыто. Здесь вы чувствуете себя гостями, которые имеют право.

Гости стояли перед роскошным отелем, пожалуй самым изысканным и дорогим в этом не самом дешевом городе.

Кто-то рассчитывал просто хорошо выспаться, кто-то приехал ради ужина от знаменитого шеф-повара, кого-то интересовали исключительно новые знакомства, а кто-то, напротив, хотел здесь спрятаться.

Кто-то впервые переступал порог «Левингстона», с интересом рассматривал интерьер и, украдкой, персонал. Кто-то, напротив, уже считал себя завсегдатаем и нарочито скучающим видом подчеркивал это.

Как бы там ни было, им всем посчастливилось войти в распахнутые швейцаром двери отеля «Левингстон» на улице Красной, в самом центре Краснодара.

Глава 1. Среда, 07:00–09:00

Борис, метрдотель

Мы встретились на улице. Было уже почти семь утра, я шел из дома, а он оттуда, где провел сегодняшнюю ночь. Мы оба выглядели слегка уставшими, но от меня пахло утренним душем, а от него – ночным торфяным виски. Мне предстояли пятнадцать часов работы, а ему – столько же сна и медитации в джакузи с бутылкой шампанского. Возможно, проходя вечером по холлу отеля, я снова встречу его, потягивающего первую за день чашку чая в лобби-баре или в одной из гостиных.

Словно лейтенант, подходящий к полковнику, делает три последних шага строевым с ладонью у козырька, так и я за пару метров до гостя склоняю голову и включаю чуть завистливую улыбку. Гость должен знать: что бы он ни делал, персонал его понимает, слегка завидует и даже чуть-чуть ревнует.

– Станислав Сергеевич, как прошла ваша вечерняя прогулка?

– Борис, мой мальчик, ваша рекомендация спасла меня, я снова чувствую себя живым! – Он делает правильное ударение в моем имени, ударение на первый слог, и за это я прощаю ему покровительственное «мальчик». Да и вообще, мне нравится этот гость. Разумеется, не как человек, а как источник дохода для отеля.

Накануне Станислав Сергеевич, обласканный критиками и кинопродюсерами писатель, вышел к обеду в зал ресторана босой, в белом банном халате, с плоской, почти пустой бутылкой виски в руке. Усевшись за стол и сделав глоток прямо из горла, он потребовал водки, борща и цыган. Патриотический роман не писался…

Когда мне доложили о проблеме, я вспомнил одного знакомого генерала, который искренне считал, что пара часов на стрельбище способна заменить целый курс словоблудия с психотерапевтом. Один звонок решил вопрос.

– Я рад, Станислав Сергеевич, вчера я осмелился предположить, что, отстреляв дюжину рожков из автомата и пообщавшись с далекими от искусства военными, творческий человек начнет чувствовать себя чуть более остро. – Я благоразумно не упоминаю о совете захватить с собой пухлый конверт с наличными начальнику и ящик коньяка в подарок офицерам части. Разумеется, стоимость коньяка была записана на номер гостя.

– Остро! Вот, вот правильное слово, вот чего не хватает мне и моей книжке! Знали бы вы, Борис, какие мысли я вчера услышал! А в какие слова эти мысли были обернуты! – Станислав Сергеевич подкатывает глаза, будто гурман, почуявший запах трюфеля. – Борис, распорядитесь прислать мне в номер том ям… или харчо… в общем, самый острый суп, какой только сможет приготовить ваш шеф-повар, и пусть мне доставят ящик шампанского, я чувствую, сейчас я буду творить! Какие образы, какие выражения, Борис, вы бы слышали, в каком порядке они расставляют слова…

– Как будет угодно, Станислав Сергеевич, – произношу я, пропуская писателя в придерживаемую швейцаром дверь, по-прежнему уверенный, что следующие двенадцать часов он проведет, свернувшись калачиком и пуская слюну на подушку. Скорее всего, на кровати, хотя не исключено, что это будет диван или даже ковер, не зря ведь «Левингстон» не экономит на напольном покрытии.

Вообще-то я не должен входить в эту дверь. Сотрудник, тем более в таком виде, как я, не имеет права входить в главный вход. Это привилегия гостя. Никто – ни горничная, ни генеральный управляющий – не могут войти в свой отель через парадные двери, для нас есть

отдельный, служебный вход. Но, сопровождая гостя, мы имеем право на все. Гость – наша волшебная палочка, а мне, если честно, лень обходить весь квартал до служебного входа.

Мне везет, мое появление через центральный вход стало неожиданным тактическим ходом и потому осталось незамеченным для большинства сотрудников, работающих в холле. Ну а те, кто меня заметил, оказались либо слишком умны, либо слишком трусливы, чтобы подходить ко мне до того, как я выпью свой первый кофе.

Писатель радостно-уставшей походкой идет вправо, к лифту, я передаю распоряжение о супе и выпивке подскочившему молодому портье и направляюсь влево, в сторону неприметной двери с пиктограммой, на которой зеленый человечек поднимается по ступенькам.

Лестницы давно исчезли из уважающих себя отелей. Конечно, они есть, но стыдливо прячутся от публики в укромных уголках, чтобы не оскорблять гостей своим нехоженым видом. Иногда я боюсь, что подверну ногу где-нибудь на пролете между шестым и седьмым этажом и умру, не дождавшись помощи.

По неширокому маршу поднимаюсь на второй этаж – небольшой холл, пара шагов по красному коридорному ковру. Многие думают, что мы стелем красные ковры, чтобы подчеркнуть статусность: «красная дорожка» и все такое прочее. Все намного проще. На красном не так видна грязь, и мы можем экономить на уборке.

Чуть задерживаюсь перед дверью и подмигиваю табличке с цифрами «213», будто обещая им веселый денек. Прикладываю карточку и открываю дверь. Запах лаванды и дымящаяся чашка кофе на столе. До состояния выжатого лимона, с вкраплением ненависти ко всем окружающим, остается чуть меньше двадцати часов. Сейчас я счастлив, я на любимой работе, на ближайшие часы я – главный в этом цирке.

Вообще, метрдотелю отдельный офис не положен. Собственный кабинет есть только у генерального управляющего, все остальные сотрудники, от девочек в бизнес-центре, продающих аренду конференц-залов, до администратора ресторана, продающего банкеты и кейтеринги, если им нужно пообщаться с заказчиком, занимают одну из множества доступных переговорных комнат или просто беседуют в одной из гостиных первого этажа.

Если вы пришли к нам арендовать на три часа малый зал на двадцать пять человек для семинара по личностному росту, вас встретит девочка-практикант, пятикурсница романо-германского факультета Кубанского госуниверситета, и вы пообщаетесь в общем кабинете с пальмовыми кадками между столов для приватности. В качестве комплимента вам подарят ручку с логотипом.

Если вы отец невесты, готовый выложить сотню тысяч долларов за свадьбу дочери на триста человек, вас встречу я. Мы выпьем кофе с хорошим коньяком в деревянно-кожаном кабинете с мягким освещением, и я, с болью в сердце, предоставлю вам на вечер свадьбы бонус – сигарную комнату для джентльменов. Возможно, получив утром счет за сигары и выпивку, родители невесты догадаются, что бонус в виде бесплатной аренды вовсе не был подарком, но есть ли мне до этого дело?

Почему ВИП-гостей встречаю я, метрдотель, а не управляющий или его зам?

Наш шеф, генеральный управляющий отеля, умеет делать лишь две вещи. Он замечательно орет на нас во время ежедневных утренних инструктажей и, вероятно, столь же искусно пьет виски и нализывает задницы акционерам по вечерам. Пока что этих его двух талантов хватает на то, чтобы мы, персонал, приносили прибыль владельцам, а они, владельцы, продолжали платить нам зарплату и – иногда – вкладывать деньги в отель.

Ну а заместитель управляющего…

Так уж вышло, что пару лет назад заместитель управляющего сгорел. Конечно, не в буквальном смысле. Он просто сошел с ума, завернулся в пурпурную портьеру и спустился в холл в образе Цезаря. Смешно было только гостям, сотрудники, наблюдающие эту картину, отлично

понимали стоящего босиком с накинутой на плечи шторой заместителя управляющего. Этому явлению Цезаря народу предшествовало проведение нескольких мероприятий. Две свадьбы: дочери главного раввина Кубани в четверг и дочери главы азербайджанской диаспоры в пятницу. В это же время, в четверг и пятницу, отель принимал съезд свиноводов юга, и в эти же даты, с четверга по субботу, у нас проходил малый казачий круг. Все эти мероприятия прошли в «Левингстоне», и за все время подготовки и проведения нам ни разу не понадобилась предусмотрительно стоящая во внутреннем дворе отеля пара карет скорой помощи. Лично я считаю, что заместитель управляющего имел полное право нарядиться Цезарем.

К сожалению, спустя месяц заместитель управляющего по-прежнему считал себя римским гением стратегии и отказывался надевать что-либо, кроме белых простыней, требуя оторочить их алым понизу и подать ему на обед фаршированных голубей.

Тогда генеральный управляющий, не повышая меня в должности, повесил на меня все управление отелем, сэкономив на записи в трудовой книжке и на дополнении к зарплате. Как в сказке, в которой жил да был главный герой… То есть «жил» отдельно от «был». Жил дураком, а был царевичем, жила лягушкой, а была царевной, жила рыбкой, а была владычицей морскою.

Приняв на себя новую ответственность и не получив прибавки, я, разумеется, нашел способы компенсировать свою работу в обход бухгалтерии. Официально я остался метрдотелем, ответственным за работу с гостями, и получал за это скромную зарплату. Неофициально я отвечал за всю работу отеля и получал за это совершенно нескромные чаевые от постояльцев и поставщиков.

Ни один цветок или яблоко в вазочке на столе люкса, ни одна шоколадка в мини-баре, ни один рулон туалетной бумаги в ванной комнате не проходили мимо меня, не оставив в моем пенсионном фонде пару-тройку рублей. Именно так. Немного, но благодаря тому, что я не жадничаю и даю заработать всем участникам, все винтики механизма работают надежно: смазанные собственной заинтересованностью колесики не скрипят и не привлекают к себе внимания.

Однако любой заработок через какое-то время перестает стимулировать сотрудника и начинает восприниматься им как должное. Поэтому мне приходилось контролировать все – от работы горничных и официантов до проверки качества поставляемых продуктов и бытовой химии. Очень скоро я убедился, что все, что не контролируется, будет сделано не так, как я хочу. Постепенно мои смены выросли сначала до двенадцати часов, а потом и вовсе я, словно адвокат из романов Гришема, стал работать по девяносто часов в неделю. Тогда-то я и захватил один из полулюксов на втором этаже, навечно поставив на нем в системе учета номеров статус «в ремонте» и переоборудовав его в кабинет, то есть заменив огромную кровать небольшим диваном и таким же скромным рабочим столом.

Подмигиваю табличке «213», вхожу в свой офис, вдыхаю смесь лаванды и свежего кофе. Я улыбаюсь.

Первый глоток, и я снимаю стоптанные кроссовки. Интересно, на рынке столько подделок под «Найк», «Адидас» или «Нью Беланс», разваливающихся буквально через пару недель ношения, что впору признать потрепанные кроссовки на ногах шиком и подтверждением того, что их обладатель может себе позволить оригинал.

Второй глоток, и спортивный пиджак отправляется на вешалку. Я не проверяю карманы и не перекладываю из них документы и кредитки. Даже если горничная заметит на рукаве пятнышко и решится его отчистить, ей и в голову не придет меня обворовать.

Третий глоток, и джинсы с футболкой летят в угол, справа от двери. Через десять минут горничная зайдет за грязной чашкой и заодно отнесет в химчистку мои вещи. Учитывая, где я провожу ночи, привычка никогда не носить несвежую одежду выглядит, мягко говоря, необъяснимо.

К тому моменту, как в чашке остается лишь темно-коричневая кашица, я уже выбираю галстук. Пожалуй, сегодня это будет «Эрме» в сине-розовую полоску. У меня всего три костюма, дюжина рубашек и четыре пары ботинок, но зато целая коллекция галстуков, каждый стоимостью не менее двухсот долларов. Разумеется, я их не покупал, это все подарки гостей. Когда в «Левингстоне» проходит какой-нибудь конгресс промышленников или ретейлеров, мне могут за день подарить три-четыре галстука «Бриони», «Ральф Лорен» или «Кавалли». То же самое с перьевыми ручками «Монблан», «Паркер» или «Вотерман». Но ручки я продаю или передариваю, а вот галстуки оставляю. Может быть, так я стараюсь доказать самому себе, что у меня есть хобби?

Я могу спуститься в холл по лестнице, но на ней я уже был, а вот взглянуть на лифт никогда не помешает. Знали бы вы, сколько людей считает верхом креативности оставить след от губной помады на наших зеркалах. А дети, лепящие наклейки… Ведь это действительно испытание – просто стоять и ничего не делать целых тридцать секунд, пока кабинка поднимает или спускает тебя…

Через вполне приемлемые двадцать секунд мелодичный негромкий сигнал говорит о том, что кабина приехала.

Если вы сказочно богаты и вам не нужно работать или если вам столь же сказочно повезло и вы, не зная выходных, работаете в международной корпорации, вы наверняка много путешествуете. И, опять же наверняка, в какой-то момент отели, города и даже страны могут смешаться у вас в голове до такой степени, что без секундной паузы вы и не ответите на вопрос о том, а в какой стране мира вы сейчас находитесь. Дарю лайфхак, как, заходя в гостиничный лифт, понять, что вы находитесь в России. Мы – единственная страна, в которой человек, входя в лифтовую кабинку, не здоровается с теми, кто уже в ней находится. Ну не принято.

Вежливо здороваюсь и вхожу в разъехавшиеся двери.

В лифте три человека: два наших постоянных гостя, высокий, статный генерал Громов и молодая женщина, приезжающая к нам один-два раза каждые три месяца; третьего, мужчину, я точно вижу впервые. Украдкой оглядываю его. Спортивные штаны, футболка с названием какого-то турецкого курорта и цифрой «2016» и, о боже, резиновые кроксы. Сегодня за обедом подкину тему внешнего вида спускающихся на завтрак гостей, уверен, у каждого из коллег найдется своя забавная история.

Улыбаюсь, представляя, как буду описывать тапочки мужчины, и пытаюсь вспомнить имя женщины. Что-то необычное, почему-то ассоциирующееся у меня в голове с «камнем», но не Петра. Агата! Ее зовут Агата, и она совмещает регулярные командировки в Краснодар с небольшим бизнесом в нашем отеле. Интересно, она уже поохотилась или еще только ищет жертву?

Агата, аудитор, старший партнер консалтингового агентства «Мауэр и партнеры»

Впервые они встретились накануне, во вторник, в начале восьмого. Лифт остановился на седьмом этаже, и в раскрывшуюся дверь вошел молодой человек. Темно-серые узкие брюки, старомодные темно-коричневые броги на массивной подошве, белая рубашка с серебряными запонками. Ни галстука, ни ремня или подтяжек. Зато на левом запястье чернеет плоский браслетик «Радо», а на правом безымянном матово блестит платиной обручальное колечко. Черно-белая неброскость аксессуаров. Дорогая обувь. Брюки – или сшитые на заказ, или очень удачно подогнанные по фигуре.

В лифте она была одна. Кроссовки, джинсы, белая футболка с накинутой поверх расстегнутой рубашкой.

Он ограничился кивком, который можно было принять и за приветствие, и за простой наклон головы, а вот она не смогла сдержаться.

– В администрации замечательная столовая, на втором этаже, и работают они с девяти.

– Вы это к чему? – удивленно обернулся он.

– Вы спускаетесь к завтраку в рубашке, значит, переодеться после еды вы не успеете. Самолетов в ближайшие три часа из Краснодара нет, в коммерческие конторы к восьми утра ходят сотрудники в ботинках сильно дешевле ваших, остается ОГВ, органы госвласти. Если бы вам нужно было в городскую администрацию, вы бы уже завтракали, она отсюда подальше. Значит, краевая, до нее минут десять. Пять минут на получение пропуска, пять на то, чтобы дойти до нужного вам кабинета. Получается, вам назначено на восемь, и вы будете там, где нужно, за десять минут до встречи, но только если сейчас ограничитесь чашкой кофе и булочкой, не больше.

Лифт раскрывает двери, и они выходят. Она смотрит вперед, совершенно не интересуясь произведенным на молодого человека эффектом. Он идет чуть сзади, слегка опьяненный едва уловимым флером духов, смелостью заговорившей с незнакомцем девушки, логикой ее слов и видом натянутых задних карманов ее джинсов.

Он и правда успел выпить лишь чашку кофе и съесть пару тостов с джемом, хотя Агата, как постоянная гостья «Левингстона», и рекомендовала ему круассан с ветчиной. Артем – к тому времени он, разумеется, уже представился – отказался от рекомендации так вежливо и в то же время непреклонно, что Агата еще раз убедилась в правильности своего выбора и в том, что серебро запонок, «Радо» на запястье, платина кольца и кожа ботинок ее нового знакомого настоящие, а не эрзац из магазина подделок.

– Артем, я буду ужинать в ресторане отеля в половине девятого, мне было бы приятно, если бы вы смогли присоединиться. – И тут же, не давая ему времени на ответ, она поднимает пальчик с коротким, но хищным ноготком, покрытым нежно-розовым цветом в основании и белым на кончике. – Только одно непременное условие: каждый платит за себя, никакого гусарства.

– Агата, в мире есть хоть один мужчина, способный вам отказать?

– Не знаю, обязательно скажу вам, если такого встречу.

В четверть девятого Артем уже сидел за столиком ресторана.

Брускетты с дюжиной топингов, сыр, карпаччо блэк ангус с бальзамиком, пармезаном и руколой, ледяное блюдо с устрицами и уже наполовину опустевшая бутылка пино гриджио.

Хотя он и ждал ее, Агата появилась неожиданно. Он лишь успел встать и сделать шаг к ее стулу, стараясь отодвинуть его раньше официанта, а она уже обняла его, вновь обдав едва уловимым ароматом духов и чего-то свежего. Легкий поцелуй в щеку свел его с ума не меньше, чем мимолетное прикосновение груди.

– Нет-нет-нет, никаких отодвиганий стульев и прочих проявлений воспитанной мускулинности! – Агата вновь поднимает острый ноготок, словно футбольный арбитр, выставляющий игроку непререкаемую красную карточку.

– Почему, это ведь нормально – мужчина открывает даме дверь, отодвигает стул…

– Это нормально для мужчины и женщины, но не для друзей или коллег. Сразу видно, что вы госслужащий. В корпорациях попробуй кто из коллег мне чемодан в командировке поднести, засужу за харассмент.

– Но мы не друзья и не коллеги…

– С коллегами, допустим, согласна, но почему не друзья?

– Поцелуй. Вы меня в щеку поцеловали только что, разве вы целуете друзей?

– Вообще-то да, но хорошо, туше, один – ноль в вашу пользу. Что ты пьешь? – Агата направляет свой пальчик на обернутую салфеткой бутылку.

– Ты только что украла у меня мечту.

– Ты уже фантазировал, как предложишь перейти на «ты» с брудершафтом? – Агата улыбается, и по ее лицу невозможно понять, она издевается или говорит серьезно.

– Если бы людей судили за мысли…

– Кольцо не жмет от таких мыслей? – Видя, как напряглось лицо Артема, девушка решает чуть сбавить обороты: рано, так она, чего доброго, спугнет такую замечательную добычу. А экземпляр и правда попался отличный. Кроме всех прочих обязательных черт, он еще и привлекательный, наверняка про спортзал знает не только из рекламы фитнес-клубов, эта охота будет даже приятной… – Так что ты пьешь?

– Кххм, я позволил себе смелость заказать сухое итальянское…

– Мне нравятся мужчины, не боящиеся принимать решения, – начала было Агата, но увидела, что ее слова уже воспринимаются не как легкий треп: он начинает над ними хмуриться, надо и правда чуть ослабить леску и кинуть прикормку.

Агата слегка накрывает своей ладошкой пальцы Артема, едва-едва, но он тут же переворачивает ладонь и берет ее пальчики щепотью. «Умничка, – думает Агата, – клюет правильно».

– Прости, трудный день был, так что ты все-таки пьешь? Надеюсь, оно очень сухое?

– Почти уксус.

– Обожаю.

Спустя два с половиной часа и еще две бутылки ледяного сухого они поднялись к нему на седьмой этаж. Не оригинальничая, заказали такое же итальянское в номер и, рассмеявшись понимающим смехом уже взрослых, но еще молодых людей, показали друг другу припасенные каждым коробочки с презервативами. Только у нее коробочка была розовой и с сердечками, а у него синей и без рисунков.

Разумеется, никто из них не подумал задвинуть шторы на окне, поэтому нескромное краснодарское солнце разбудило Артема уже в начале седьмого. А может, и правда это сон алкоголика, известный своей краткостью.

Артем потягивается и с некоторым удивлением смотрит на сидящую в кресле Агату. На столике перед девушкой дымится чашка чая.

– Ого, а ты ранняя пташка! Доброе утро.

– Артем Сергеевич, скажи, ты любишь свою жену?

– Та-а-ак, а ведь я вроде бы отчество тебе не говорил?

– Не говорил, я, прости уж, сама его в паспорте подсмотрела. Но ты лучше на вопрос ответь: ты любишь свою жену Марину и вашу дочь Машу?

– Ты меня пугаешь. Я не снимал кольца, лазить в мои вещи за паспортом, чтобы узнать, что я женат… Зачем ты… – Остановленный комбинацией поднятой ладони и изогнутой брови, Артем замолкает и проглатывает несказанные слова, не в силах спорить с таким двойным «стоп».

– Артем, давай сэкономим кучу времени и определимся, по какому пути мы с тобой дальше пойдем. Ответь, дорога ли тебе семья, или ты можешь себе позволить измены.

– Агата, я не понимаю… – сам себе врет Артем. Он уже понял, что случилось что-то плохое, но все еще надеется, что это просто неудачная шутка.

– Все просто. Как ты уже начинаешь понимать, наше милое свидание будет иметь для тебя некоторые последствия. Сегодня ночью я сняла на телефон несколько интересных моментов. Потом я тебе скину, сам посмотришь, там все четко видно. Дальше у нас два варианта. Если ты любишь жену, то я скидываю видео ей. Найти номер по имени я смогу. Если тебе на семью плевать, я сейчас звоню в полицию и заявляю об изнасиловании. Стоп-слово в первом варианте – миллион, во втором – два миллиона рублей. Выбирай…

Артем открывает рот, чтобы ответить, но видит совершенно равнодушный взгляд девушки. Он вспоминает вчерашние вспышки, когда вроде бы нежная Агата совершенно неожиданно просила его быть жестче, ее «ударь меня», «попробуй подушить», а главное, такое заводившее его вчера и убивающее сегодня «не выключай свет, я хочу видеть».

Вместо слов из Артема, будто из проколотого футбольного мяча, выходит лишь воздух.

– Я люблю жену… – единственные слова, на которые хватает его сил.

Через двадцать минут, со все еще влажными после душа волосами, с улыбкой и миллионом на банковской карте, специально заведенной для этих целей и оформленной на постороннего человека, Агата спускается на завтрак.

На втором этаже в лифт входит рыжий метрдотель и вежливо кивает. Вот уж и правда, встретить рыжего – к удаче. Или это про горбунов?

Борис, метрдотель

Если бы мир был честен, перед моим выходом в холл «Левингстона» в нем появлялся бы цирковой шпрехшталмейстер и дурным голосом кричал что-то вроде: «Дамы и господа, достопочтенная публика, снова на арене Борис, с ударением на «о», укротитель снобов и проституток, готовый за свернутую уголком купюру вложить голову в пасть тигра, а за две купюры – устроить это развлечение для вас!»

Но мир никогда не был честен, потому я выхожу из лифта в тишине, без аплодисментов и радостных девичьих вздохов. Хотя вру. Какая уж тут тишина.

– Борис, гость из пятьсот третьего просит принять на хранение чемодан с юанями.

– Борис, гость их семьсот восемнадцатого ночью вышел на балкон, не открывая дверь, весь номер в стекле и крови.

– Борис, гость из триста тридцатого прожег напольное покрытие в сигарной комнате.

Я будто попал в жужжащий улей. Кажется, в каком-то старом фильме про шпионов подозреваемого сажали в комнату с непрестанно играющей музыкой. По замыслу организаторов, пребывание в такой музыкальной шкатулке сводит с ума за несколько дней. Но мне этот шум нравится, для меня это – сродни звону монеток из песни про деньги в мюзикле «Кабаре». Каждое слово – это строка в счете, предъявляемом гостю при выезде. Вам требуется хранение ценностей? Нет ничего проще, мы можем организовать доставку чемоданчика в банк на инкассаторской машине. И вам не следует знать, что на самом деле ваши юани будут храниться в нашем собственном сейфе. Разбили нашу дверь и порезались – заплатите за установку новой и чистку номера. Разумеется, мы бесплатно отремонтируем стеклопакет силами наших сотрудников, почти бесплатных гастарбайтеров, а наши горничные могут свести пятна с боков жирафа. Вы посмели прожечь наш «персидский» ковер? Дальше вы в курсе. Строчка в счете. И разумеется, мы просто передвинем мебель так, что след упавшего уголька будет незаметен.

– Борис Александрович, вас искала какая-то старуха, сейчас она ушла выпить чашечку чая в розовой гостиной. – Ко мне подходит ушастый портье, мальчишка работает у нас только второй день.

– Опишите ее, пожалуйста, – на ходу бросаю я. Простые старушки вообще редко ходят по «Левингстону» ранним утром.

– Худая, седые волосы, старое, какое-то пыльное бархатное платье. В ушах и на пальцах цыганские камни. Скорее всего, директриса какого-то нищего приюта хочет выклянчить у отеля спонсорскую помощь.

Его стремление делать выводы похвально, вот только… Смотрю внимательнее на портье, идущего вслед за мной. Странно, при приеме на работу я не обратил внимания на челку, «рыбий хвост» почти касается бровей. Ненавижу людей, прячущих лоб.

– Какая сегодня погода?

– Не понял.

– Неудивительно. Просто ответьте на вопрос.

– Ну-у-у, – тянет он, – градусов двадцать пять, теплынь…

– Без «ну», ваш язык – это ваш инструмент, по крайней мере, до тех пор, пока вы, молодой человек, не научитесь использовать голову. Если уж говорите глупости, говорите их правильно. На улице двадцать три, но из-за ветра ощущается как двадцать. Вы уверены, что в такую погоду старушка пришла в отель в одном платье? Запомните, старики всегда мерзнут. Да бог ты мой, просто отсутствие шляпки должно было подсказать вам, что мадам спустилась из номера, а не вошла к нам с улицы.

Мальчишка выглядит словно олененок Бемби, ослепленный фарами грузовика. Будь он не моим работником, я бы ему даже посочувствовал.

– Вы, юноша, имели честь беседовать с госпожой Стерн, Едвигой Аркадьевной. И научитесь уже взглядом оценивать ювелирные изделия, на стоимость «цыганских» камней только с одной руки этой дамы можно купить если не весь наш отель, то уж вашу жалкую жизнь – наверняка.

Судя по пошедшему пятнами лицу портье, я понимаю, что «Левингстон» рискует потерять новичка. Да что у них за поколение такое? Это была даже не взбучка, а так, невинный, почти дружеский урок, а у портье уже нервы лицо красным мажут. Тоже мне, фея Динь-Динь. Кто вообще взял этого слюнтяя на работу?

– Улыбайтесь. Сколько можно повторять: любые слова, которые вы говорите там, где вас могут видеть гости, должны выглядеть так, будто вы поздравляете любимую мамочку с победой в лотерее, – шиплю я на него, разумеется улыбаясь и запоминая, что нужно уволить этого парня. – Едвига Аркадьевна очень старая и очень одинокая дама. Сейчас вы возьмете в баре несколько шоколадных конфеток и отнесете ей в гостиную. Но не уйдете сразу же, а поинтересуетесь, как мадам находит наш отель и все ли ее устраивает. – Видя непонимающее лицо, я убеждаюсь в верности решения расстаться с этим работником. – Просто присядьте и послушайте ее минут десять.

Я ничем не рискую, отправляя недалекого парнишку к госпоже Стерн. Как и большинство стариков, Едвига Аркадьевна не слушает собеседника, все время рассказывая свои собственные истории, поэтому риск того, что пацан сморозит в ее присутствии глупость и обидит постоянную гостью, минимален.

Делаю шаг от портье, но замечаю фланирующего между гостиными постоянного гостя, отставного генерала МВД, с которым только что ехал в лифте. Генерал из Питера, прилетает в Краснодар пару раз в семестр читать лекции на юрфаках. Он явно высматривает компанию для ранней, до завтрака, выпивки, и, судя по загоревшимся при виде меня глазам, моя кандидатура ему нравится. Резко хватаю испуганного парнишку-портье за локоть и, разумеется с улыбкой, начинаю что-то выговаривать ему, при этом, спасаясь от искушения вступить в праздничный марафон с генералом, тяну портье в сторону дверцы с надписью «Staff only», за которой прячется невидимая гостям сторона «Левингстона».

Не длинный коридор с дверями малюсеньких общих офисов. Бухгалтерия, бронисты, комната отдыха, серверная, служба безопасности… Коридор оканчивается выходом на лестницу, два пролета – и вот он, офис генерального управляющего. Стучу три раза и, не дожидаясь ответа, вхожу, при этом сжимая пальцы всех четырех конечностей крестом. Орать на меня сегодня будут, этого никогда избежать не удается. Но вот если повезет и шеф будет с похмелья, то, возможно, до прихода остальных участников инструктажа мне достанется порция коньяка, родившегося за несколько лет до меня. За гарем бутылок в шкафу генерального отвечает лично старший бармен, и, судя по тому, что я иногда вижу в раскрытой дверце шкафа, с задачей он справляется.

На ежедневном утреннем инструктаже обязаны присутствовать все руководители служб отеля.

Учитывая, что наш генеральный управляющий не женат и любит проводить вечера в барах, на встречах в восемь утра он обычно находится не в самом благодушном расположении. Иногда мне кажется, что ему присущи некоторые черты мазохиста, ведь проводить ежедневные совещания в его состоянии – это некий совершенно не изысканный способ наказания себя за грехи. И если морщащийся и страдающий управляющий, поминутно поправляющий узел галстука и с шумом втягивающий зеленый чай, может, и заслужил эти садистские утренние встречи, то отчего должны страдать остальные участники – мне совершенно не понятно.

Я улыбаюсь оттого, что мне на ум пришла забавная идея. Может, наш шеф не мазохист, а совсем наоборот? Может, он нам мстит? Возьмите хотя бы само название его должности. Не директор, не просто управляющий, а «генеральный управляющий». Понятно, что это убогая калька с импортного GM, general manager, но неужели он был настолько рад получить это кресло для своей задницы, что думать головой в момент подписания контракта с акционерами не мог? Возможно, эти утренние летучки, иногда затягивающиеся на час, его месть нам, чьи должности звучат сермяжно просто? Метрдотель, хостес, консьерж, хаускипер… Нормальные русские названия… Нет, мне явно нужно больше спать, такие умозаключения с утра – хуже чтения советских газет до обеда.

– А что это у нас метрдотель улыбается? Порадовали юродивого, подали копеечку? Может, Борис Александрович, вы объясните нам, какого черта вы сдали наш зал для презентации книги?

Шеф с шумом втягивает чай и блаженно хмурится мне в лицо. Не знаю, как ему это удается – одновременно показывать свое презрение и при этом демонстрировать то ли наслаждение чаем, то ли удовольствие от возможности поорать на меня. Как вы уже догадались, коньяка перед инструктажем я не получил…

– Книжные презентации хорошо сказываются на имидже отеля, прибавляют нам интеллигентности.

– Так и приглашали бы, черт возьми, для имиджа. Мало, что ли, бизнесменов или политиков книжки под своим именем выпускают? Вот у нас они и сами со своими творениями бы познакомились, и публике бы представили. А вы, Борис… – В его произношении мое имя с ударением на первом слоге звучит как клеймо. – Презентация книги о диетическом питании не прибавит нам ничего: ни гостей, ни интеллигентности, ни денег! Какие закуски закажет организатор на такое мероприятие? – Говоря это, шеф сводит брови домиком. Вообще, он часто хмурится, вероятно, верит, что человек нахмурившийся выглядит точно так же, как человек размышляющий.

На утреннем инструктаже обязаны присутствовать все руководители служб. Вот только вы уже и сами поняли, что эти наши утренние встречи никак нельзя сравнить с чаепитием у любимой тетушки, потому каждый из руководителей старается, хоть пару раз в неделю, найти достойную причину отсутствовать. Сегодня в клуб неудачников, не сумевших избежать этой утренней экзекуции, входят шестеро: я, шеф-повар, итальянец Марко ди Галло, старший консьерж Тони, по паспорту Антон Васильевич Белов, старший бармен Муслим Алиев (если придумаете новую шутку про бармена с именем Муслим – мы всем отелем скинемся вам на выпивку), старший администратор, она же хостес, Мила Семенова и, наконец, главный хаускипер, а попросту начальница всех горничных, Маша Сафонова.

Офис управляющего небольшой, меньше сорока метров. Иметь огромный кабинет, даже для самого главного сотрудника, там, где каждый квадратный метр может быть сдан гостям, – непозволительная роскошь. Но и убогий офис руководителя – плохой помощник для имиджа

лучшего отеля города. Поэтому на стенах – оригиналы модных и даже уже умерших художников (ничто так не влияет на спрос и цену, как смерть автора), в шкафу есть напитки даже не прошлого века рождения (Муслим утверждает, что где-то в этих шкафах есть бутылка «Курвуазье» с чернильной надписью по этикетке: «Кто не любит коньяк – тот не любит Францию», и Муслим уверен, что это автограф Наполеона), и почти треть всей площади кабинета занимает роскошный лакированный стол из массива какого-то темного дерева. Судя по размеру столешницы и ширине дверей и окон, все здание «Левингстона» построили вокруг этого стола.

Я сижу по правую руку от шефа. На столе – рабочие планшеты, на ажурных салфеточках – стеклянные бутылочки с минералкой «Левингстон» (разумеется, это никакая не минеральная вода, разве что минеральной ее делает стеклянная тара и наше имя на этикетке). Горячий чай или кофе во время инструктажей разрешено пить только шефу; нарушившему запрет грозит потеря квартальной премии «на восстановление лакового покрытия стола». Кроме меня, никто из присутствующих руководителей служб не имеет за этим столом постоянного места, все садятся куда придется.

Чтобы вам было легче понять мое отношение к коллегам, представлю их еще раз.

Напротив меня сидит гастрономический король всея Кубани. Шеф-повар «Левингстона» Марко ди Галло – напыщенный, стервозный до истерики гений, живущий в Краснодаре вот уже три годя. Он переехал в Краснодар из Неаполя, спасаясь от уголовного преследования после того, как запретил двум своим парням-поварятам целоваться на работе. Запретил молча, используя как аргумент лишь чугунную сковороду для жарки мяса. Марко может купить что угодно на Сенном рынке, самостоятельно проехать по кубанским селам в поисках лучших помидоров, он – подозреваю, не без помощи консьержа Тони – наладил контрабандный канал поставки в «Левингстон» иранской черной икры (выдает ее за астраханскую), болгарских трюфелей (даже знаток не отличит их от французских) и черноморских устриц (соленость нашего моря оптимальна для карамельного вкуса и мягкой текстуры моллюсков). Но при этом он регулярно показывает шефу, что его знания русского языка недостаточно для понимания начальственного ора. За его паштетами и жареными гусями к нам едут гости из-за океана, а отцы церкви перестали посещать Краснодар во время поста, ибо были, знаете ли, срывы… Больше всего на свете наш шеф-повар ненавидит миграционную службу, людей, заказывающих полную прожарку стейка, и старшего бармена, дагестанца Муслима. И если от первых он может откупиться, для вторых в его ресторане действует жесткий запрет на пожелания приятного аппетита, то с третьим, с бывшим борцом, чемпионом Махачкалы по боям без правил Муслимом, ди Галло предпочитает воевать экономически, переманивая людей из бара и гостиных в ресторан.

Я люблю этого напыщенного индюка. Хочу верить, что мое к нему отношение не связано с тем, что он иногда приглашает меня отведать новинки меню, благодаря чему я узнал слово «гастрооргазм».

Справа от меня сидит старший консьерж Антон, которого все зовут Тони. Он второй после меня человек в «Левингстоне», получающий свою долю со всех услуг и поставок, идущих в обход бухгалтерии. Лацкан его бордового сюртука украшают золотые скрещенные ключи Les Clefs d'Or – золотой знак гильдии консьержей. Говорят, в нулевых он решал вопросы какой-то дальневосточной ОПГ, потом был ассистентом, вернее решалой, у московского депутата. При первой же встрече он будет улыбаться вам так, будто вы его родной брат, пожертвовавший ему в детстве почку. Но любят Тони не за улыбку, а за то, что он может для вас сделать. Гений посредничества, превзошедший Майкла Корлеоне в искусстве окутывать даже не город или страну, а целые континенты системой взаимных одолжений и отщипывающий от каждой услуги, которой он покровительствует, чуть-чуть денежных знаков. Он может все. И я не про банальные билеты на премьеру, лимузин к трапу или проходки в модный клуб. Нет. Это может сделать любой анонимный консьерж в телефоне Верту. Тони может воистину все: достать в два часа

ночи идеальное коктейльное платье, забронировать вам на завтрашний день виллу на озере Гарда или найти спутницу для ужина со знанием вежливо-учтивого стиля японского языка. Не знаю, какое положение Тони занимает в союзе консьержей лучших отелей мира, но как-то раз я был свидетелем, как он по телефону организовал одному из наших постоянных гостей пригласительный на инаугурационный ужин американского президента. Тони постоянно с кем-то разговаривает по мобильному: либо организовывает что-то для гостя, либо треплется со своими коллегами. Он в совершенстве владеет английским, бегло говорит на китайским и может объясниться на арабском. А еще он всегда знает все новости о звездах, политиках и бизнесменах. Подозреваю, что, помимо членских взносов, консьержи лучших мировых отелей обязаны делиться с коллегами всеми жареными новостями о ВИП-гостях. Вот уж действительно, тайное правительство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.